

Кудина Оксана Михайловна

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

Оппозиция человека священного (homo sacer) и человека политического в концепции Дж. Агамбена

Сегодня политика давно уже стала биополитикой, целью которой становится решение о том, какая форма организации способна наиболее эффективно обеспечить заботу, контроль и наслаждение голой жизни. Власть суверена перемещается в более широкие пространства социальной жизни, вмешиваясь в сферу юриста, врача, ученого, священника.

Ключевые слова: homo sacer, суверенное исключение, тело суверена и тело священное, политизация жизни, права человека и биополитика, политизация смерти.

В своей работе «Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь» [1] Д. Агамбен предлагает другую интерпретацию суверенной власти, в отличие от общепринятой. Он вводит термин биополитика, который позволит, по его мнению, объяснить природу нацизма, сталинизма, тоталитарных государств. Он считает, что понятия, на которых базируется современная политика правое/левое, частное/публичное, абсолютизм/демократия попали сегодня в самую настоящую зону неразличимости и должны быть окончательно оставлены.

Продолжая исследования М. Фуко и В. Беньямина, Д. Агамбен исследует отношения между голой жизнью и политикой. В своей работе он предлагает отказаться от традиционного подхода к проблеме власти (определение суверенной власти, теории Государства) в пользу анализа конкретных методов, посредством которых власть проникает в само тело подданных и в их формы жизни.

Д. Агамбен предлагает заново обдумать смысл аристотелевского определения полиса через оппозицию жизни и благой жизни. Эта оппозиция показывает нам процесс перехода, включения голой жизни в сферу политики. В первой главе «Логика суверенной власти» автор рассматривает конститутивное для западной политики утверждение Аристотеля, согласно которому, человек есть «живущее животное, способное к политическому существованию». У греков есть два термина для обозначения

того, что мы обычно имеем в виду, когда говорим «жизнь»: *zoé*, обозначающий сам факт жизни, общий для всех живых существ и *bios*, указывающим на правильный способ или форму жизни индивида либо группы. В ставшем каноническим для понимания политической традиции Запада отрывке (1252б), Аристотель определяет цель идеального общества через противопоставление простого факта быть живым и жизни в ее политическом измерении.

Связь между голой жизнью и политикой – эта та же связь, которую можно видеть между голосом (*phoné*) и словом (Логосом). Вопрос «каким образом живое существо одарено речью?» полностью соответствует вопросу «каким образом голая жизнь живет в полисе?». Для греков ответом на этот вопрос становится *bios*: *bios politicos* – государственный образ жизни, *bios theóreticós* – жизнь философа и т.д.

Современная демократия открывает нам другое понимание природы политического и власти, где античные понятия *zoé* и *bios* становятся практически неразличимы. Процесс включения голой жизни в политику Д. Агамбен комментирует термином римского права *homo sacer*. *Homo sacer* называется тот, кого осудил народ за какое-либо преступление, приносить его в жертву нечестиво, но тот, кто его убьет, не считается преступником. Оттого всякий дурной и бесчестный человек зовется *sacer*. Законы XII таблиц гласят: «если патрон обманет клиента, да будет предан он богам» [1. С. 93].

Это было равносильно смертному приговору. Здесь проявляется двойственность понятия *homo sacer*: его можно убить, но нельзя принести в жертву. Подобная пограничная сфера человеческого действия, основанная на исключении, принадлежит суверену, именно он в ситуации чрезвычайного положения приостанавливает действие закона, выходя за его рамки.

Д. Агамбен выдвигает гипотезу, согласно которой двойное исключение, которым характеризуется власть суверена и фигура *homo sacer* указывает на изначальную природу политического, а именно: архаическое право власти отобрать жизнь человека, просто убив его. Областью суверенного решения следует считать ту область, в которой можно совершить убийство, не совершая при этом преступления, но и не совершая при этом жертвоприношения.

Отсюда суверен и *homo sacer* представляют собой симметричные фигуры, располагаясь на противоположных полюсах общественной иерархии: ведь суверен – это человек, по отношению к которому все остальные люди потенциально суть *hominess sacri*, а *homo sacer* – человек, по отношению к которому все люди выступают как суверены. В итоге

термин *sacer* обозначает, прежде всего, жизнь, которая может быть абсолютно безнаказанно отобрана, стать объектом насилия.

Масштабные убийства, которыми сопровождался нацизм, проект этаназии, который, по мнению Д. Агамбена касается не столько проблемы «бессмысленной жизни», сколько другого: любое, даже современное общество решает, кто является его «священными людьми», которых оно может безнаказанно убить.

«Жизнь, недостойная быть прожитой» стала политическим концептом, где под вопросом стоит жизнь *homo sacer*, жизнь, подлежащая убийству и не подлежащая жертвоприношению – именно эта оппозиция является основанием суверенной власти. В этой ситуации политика жизни неизбежно обращается в политику смерти.

В итоге человеческая жизнь включена в существующий строй только через ее исключение (то есть через возможность беспрепятственно отнять ее). Это позволяет по – новому прочесть не только священные тексты суверенной (политической) власти, но и саму загадку сакрального как такового, понимаемого уже независимо от его связи с религиозным. За признанием формальных прав и свобод в современной демократии вновь обнаруживается тело священного человека, с его двойственным суверенитетом: жизнь, которую нельзя принести в жертву, но которую можно отнять.

В современном обществе индивид функционирует в политических структурах всего лишь как некое живое тело (Фуко). Вслед за Фуко, Агамбен настаивает на том, что проявление политического связано с подчинением голой жизни власти суверена.

Так, начиная с 1977 г. в лекциях Collège de France внимание начинает фокусироваться на переходе от «территориального Государства» к «государству населения» и на том, что вследствие этого биологическая жизнь и здоровье нации обретают все большее значение как предмет внимания суверенной власти.

В свое время забота о «биологическом теле нации» стала новой политикой нацистов. В книге «Государство и здоровье», где были собраны тексты выступлений авторитетных немецких специалистов, касающихся сферы здравоохранения и евгеники, народ представляет собой живую ценность, продолжая ряд материальных ценностей.

Понять национал-социалистическую биополитику, а вместе с ней и современную политику, не принадлежащую уже к Третьему рейху, нельзя, если упустить из виду, что она ведет за собой стирание различий между двумя терминами: *Politic* – политика как борьба против внешних и внутренних врагов Государства и *Polizei* – забота о жизни и развитии со-

граждан. Полиция теперь становится политикой, а забота о жизни совпадает с борьбой против врага. Определять формы биологической жизни с ее потребностями – вот что стало ключевым политическим аргументом. Политика стала формализацией народной жизни. Об этом свидетельствует тот факт, с какой скоростью парламентские демократии в XX в. превратились в тоталитарные государства. А тоталитарные государства трансформировались в парламентские демократии.

В обоих случаях политика давно уже стала биополитикой, а на кон ставится лишь решение о том, какая форма организации способна наиболее эффективно обеспечить заботу, контроль и наслаждение голой жизни. Власть суверена перемещается в более широкие пространства социальной жизни, вмешиваясь в сферу юриста, врача, ученого, священника.

В XX веке одной из таких биополитических парадигм стал лагерь. Лагерь – это пространство, возникающее тогда, когда чрезвычайное положение превращается в правило. Метаморфозы и воплощения лагеря как политического пространства мы должны научиться распознавать и сегодня, считает Д. Агамбен.

Формы биополитики мы можем видеть в современной дискуссии о законодательном установлении критериев смерти. Создание реанимационной техники изменило наше понимание смерти. Понятие «жизни» и «смерти» оказывается в пограничной зоне, смерть теперь фиксируется при подтверждении факта смерти мозга.

Многие сторонники современной биополитики, требуют вмешательства государства, чтобы установить момент смерти и обеспечить возможность проводить операции над телам псевдоживых в реанимационных боксах: «организм принадлежит общественной власти: тело национализируется» [1. С. 210].

Возможность публично говорить об этом, признавая смерть делом политики, указывает на явный признак того, что биополитика пересекла в своей развитии новый рубеж.

Примером проявления биополитики в современной России может служить строительство перинатальных центров. Эту ситуацию можно прокомментировать обращением к федеральному Собранию РФ В. Путина: «Вы знаете, что в среднем число жителей нашей страны ежегодно становится меньше почти на 700 тысяч человек. Мы неоднократно поднимали эту тему, но, по большому счету, мало что сделали. Для решения этой проблемы необходимо следующее: первое – снижение смертности, второе – эффективная миграционная политика, и третье – повышение рождаемости.

Кроме того, в ближайшее время надо принять программу создания в стране сети современных перинатальных центров и обеспечить роддома необходимым оборудованием, специальным транспортом и другой техникой».

Сегодня этот проект находится под контролем у премьер-министра: перинатальные центры должны быть построены к 2012 г. В число городов, где строительство завершено или ведется, входят: Екатеринбург, Ярославль, Чита, Томск, Тверь, Саратов, Рязань, Ростов-на-Дону, Благовещенск, Курск, Курган, Кемерово, Иркутск, Воронеж, Пермь, Красноярск, Краснодар, Саранск [2].

Первая фиксация голой жизни как нового субъекта политики косвенно уже присутствует в документе, который единодушно признается основой современной демократии: в приказе о доставлении в суд 1679 года. Эта формула встречается уже в XIII веке и уникально в ней то, что субъект, присутствующий в суде назван не *citoyen* – субъект феодальных связей и свобод или будущий гражданин, а просто тело (*corpus*). Субъект политики – это не свободный человек с его прерогативами и уставами и даже не просто *homo*, но тело, *corpus*.

Текст декларации 1789 года показывает, что именно естественная голая жизнь, т.е. чистый факт рождения, фигурирует здесь как источник и носитель права. Статья 3: источником суверенной власти является нация. В понятии народа, нации, этимологически происходящего от глагола *nascere*, рождаться, исчерпывается круг, разомкнутый рождением человека.

Принцип рождения и принцип суверенитета, разведенные при Старом порядке (где рождение предопределяло только подданство), отныне бесповоротно сливаются в теле «суверенного субъекта». Возникает иллюзия, что рождение и есть возникновение народа, нации.

Сущность национал-социалистической идеологии связывают со словосочетанием «земля и кровь», но часто забывают, что эта формула в действительности имеет юридическое происхождение в римском праве. Она обобщает в себе два критерия, которые в римском праве служат для идентификации гражданства: рождение на определенной территории и появление на свет от родителей – граждан.

При Старом порядке эти критерии выражали лишь отношение подданства. Теперь они разведены и порождают двойственность понятия «гражданство»: кто является гражданином, тот, кто рожден на определенной территории или появился на свет от родителей-граждан? До сих пор это не являлось политической проблемой. Проблема беженцев обнажила иллюзию, лежащую в основании суверенитета современного ти-

па. Беженцы нарушили преемственность, связывающую человека и гражданина, связь рождения и национальности.

Сегодня проблема с беженцами в Европе заставляет политиков создавать проекты об интеграции и социализации мигрантов. В частности попытка Германии социализировать мигрантов и создать мультикультурное общество полностью провалилась, о чем было сделано заявление в 2010 г. канцлером ФРГ Ангелой Меркель. Она сослалась на нежелание иммигрантов-мусульман учить немецкий язык, перенимать христианские ценности, а также на ухудшение качества образования и низкую производительность труда приезжих.

«Наш подход “все живут рядом друг с другом в мире и согласии” провалился полностью,— заявила Меркель.— Христианские ценности связывают нас. Тем, кто не разделяет их, здесь нет места» [3].

В подобной ситуации власть имеет право приметить чрезвычайное положение, минуя всю систему права. В римском праве эта власть получила свое выражение как исключение из нормы права. Подобный захват жизни со стороны права и власти по своей форме является проявлением архаической власти отца над жизнью сына. *Суверенное исключение (как зона неразличимости между природой и правом) является допущением правового отношения в форме его приостановки.*

Еще одним примером захвата жизни со стороны права является принцип талиона (если повредит член тела и не уладит дело миром, да будет ему такое же воздаяние – «око за око, зуб за зуб»). Принцип талиона основан на чувстве вины, и не является правовой санкцией. Понятие талиона указывает на состояние быть-в-долгу. Эта невозможность решить служит ли вина основанием для нормы или норма для вины, как раз и является проявлением ситуации неразличимости внутреннего и внешнего, жизни и права, которая характеризует суверенное решение об исключении.

Когда закон становится формальным и ничего не предписывает, его можно разрушить. Чрезвычайное положение может проявить себя здесь в появлении христианского мессии, который разрушает предшествующую власть. В притче Кафки «Перед законом» Курт Вейнберг предложил опознать в застенчивом, но упрямом крестьянине, который пытается зайти во врата закона, фигуру «запрещенного христианского мессии». Мессия является фигурой, при помощи которой великие монотеистические религии стремились разрешить проблему закона и чье пришествие означает полное исполнение и завершение закона.

Д. Агамбен считает, что жизни присуща сакральность лишь потому, что она захвачена суверенным исключением, т.е. *правом безнаказанно*

убивать. Если эти два понятия взаимозависимы, то священное проявляется и в жизни суверена. Это проявление священного проявляется как доктрина двух тел: физического и мистического или политического.

Исследования в области политического приводят нас к проблеме вечной природы власти, которая обеспечивает сохранение королевского сана и после физической смерти ее носителя. Доктрина двух тел получает свое дальнейшее развитие и в эпоху христианства.

Функция христианской политической теологии сводится к тому, чтобы посредством аналогии с мистическим телом Христа обеспечить некое единство морального и политического тела.

В связи с этим появляются ритуалы, призванные сохранить тело императора в виде его двойника: статуи или изображения.

Интересно, что в эпоху империи ритуал обожествления включал в себя «погребальный обряд для изображений». Так, в период правления Антониев обожествленный император сжигался на погребальном костре дважды: один раз *in corpore*, другой – *in effigie* (физически и символически, букв.: в теле и в изображении). Труп государя предавали огню в торжественной для него обстановке, хотя церемония и не была официальной; *останки его помещали в мавзолей*. Обыкновенно в этот момент прекращалось и официальное оплакивание (*funus publicum*). Антоний Пий был погребен по обряду, отличавшимся от традиционного. Труп уже был погребен, когда началось официальное оплакивание. Главным действующим лицом этого *funus publicum* было восковое изображение, которому был придан облик покойного. Восковое изображение, обладавшее «совершенным сходством» с покойным, лежит на парадном ложе, облаченное в одежды императора, жизнь которого посредством ряда магических операций была перенесена на эту куклу.

Известно, что после смерти Ленина было принято решение о сохранении его тела. В конце 1939 года в составе Минздрава СССР была создана научно-исследовательская лаборатория при Мавзолее для решения научно-практических задач и комплекса проблем, связанных с сохранением тела В. И. Ленина.

Сотрудниками лаборатории были осуществлены бальзамирование тел многих политических лидеров. Сейчас сохранились тела лишь четырех забальзамированных вождей — Ленина, Хо Ши Мина, Ким Ир Сена и Мао Цзэдуна. Согласно выводу правительственной комиссии, созданной в 1990 году Советом Министров СССР для изучения деятельности Научно-исследовательской лаборатории, тело В. И. Ленина может сохраняться в неизменённом виде еще не один десяток лет [4].

Образование империи всегда основывается на общей идее, у римлян – это была традиция и этика, с падением Рима, новую империю об-

---

разовала идея христианства, «где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Послание к колоссянам ап. Павла гл. 3:11).

Создание СССР, новой империи, было основано помимо идеи пролетариата (пролетарий всех стран, соединяйтесь) на идее вечной власти. Ритуал обожествления власти, как указывает Д. Агамбен, в период римской империи проявляет себя в мистическом или политическом теле власти, т.е. в сохранении тела правителя.

Параллель становится более очевидной, если мы вспомним, что христианство вводит две фигуры императора и святого. Святой становится зеркалом власти. При этом одним из проявлений святости в православной традиции является нетление мощей.

Полный демонтаж прежней культурной традиции, с масштабными показательными акциями новой власти по уничтожению мощей святых, разорением церквей и т.д. требовал создания нового символа нетленной власти. Атрибуты прежней монашеской святости были перенесены на новое священное тело власти.

Возвращаясь к идее отверженного, *homo sacer*, можно указать на еще одну интересную параллель в древнегерманском праве, с которой Д. Агамбен предлагает соотнести понятие отверженного, *homo sacer*. Это фигура оборотня. В истории скандинавских и германских народов отверженного, объявленного вне закона преступника называли *wargus*, то есть волк или в религиозном смысле священный волк. Человек – волк в категориях древнегерманского права наделялся статусом – «лишенный мира».

Древнее германское право основывалось на категории мира и обычное изгнание из общины преступника, который становился «лишенным мира» и как таковой мог быть безнаказанно убит любым человеком.

Законы Эдуарда Исповедника (1130-1135) определяют отверженного как волчью голову и сближают его с оборотнем – ибо со дня своего изгнания он носит на плечах волчью голову. Чудовищный образ существа, сочетающего в себе черты человека и зверя и живущего на границе города и леса – фигура оборотня, прочно закрепившаяся в нашем коллективном бессознательном, – изначально подразумевает под собой отверженного, изгнанного из общества человека. Жизнь отверженного как и жизнь *homo sacer* представляет собой сферу неразличности и перехода между животным и человеческим, *фюсисом* и *номосом*. Оборотень – ни зверь, ни человек, парадоксальным образом обитающий в обоих мирах, не принадлежа ни к одному из них.

Выражение человек человеку волк указывает на то состояние, в котором каждый человек может превратиться в волка или волк в человека. Это превращение может произойти в любой момент не только с подданным, но и сувереном. Право суверена отнимать жизнь, когда он пожелает, также получило свое выражение в фигуре оборотня.

В «Оборотне» – одной из куртуазных новелл Марии Французской тема внутреннего родства оборотня и суверена получает свое новое развитие. Оборотень, увидав Короля на охоте, подбежал к нему, стал лизать колени и ступни, словно умаяя о пощаде. Король, удивившись человеческим повадкам, привозит Оборотня ко двору, и они становятся неразлучными друзьями. Здесь важно то, что человеческий облик возвращается к Оборотню непосредственно на постели суверена. Доказательность близости тирана и человека – волка мы находим в «Государстве» Платона: здесь превращение народного ставленника в тирана иллюстрируется аркадийским мифом о Зевсе Ликейском.

Исходя из своих исследований, Д. Агамбен предлагает отказаться от представления об изначальном политическом акте как о договоре или соглашении, как о некоем очевидном и всеобщем условии перехода от природы к Государству. Он считает, что мы должны научиться распознавать в политических отношениях и общественных системах структуру отверженности, которые сегодня ничуть не изменились. Нет ничего более свойственного самой сущности города, чем отверженность *vita sacra*, которая в то же время ему бесконечно чужда.

По мнению Д. Агамбена, главным действующим лицом нашего времени оказывается жизнь, не подлежащая жертвоприношению, но которая в то же время оказывается незащищенной от смерти в невиданных прежде масштабах. Священное образует некую подвижную и неустранимую зону внутри самой современной политики, которая постепенно смещается, захватывая все более обширные и плохо различимые области жизни, смыкаясь в итоге с биологической жизнью граждан. Если сегодня не существует такой фигуры, которую мы могли бы однозначно определить как *homo sacer*, то, возможно, это происходит оттого, что все мы – потенциальные *homines sacri*.

1. Агамбен, Д. *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь* / Д. Агамбен. – М.: Изд-во «Европа», 2011. – 256 с.
2. Перинатальный центр XXI века [Электронный ресурс] / Ярославский областной перинатальный центр XXI века. Режим доступа: http://www.adm.yar.ru/SocProj/perin/soc_001.html.

3. Ангела Меркель заявила о провале интеграции мусульман в немецкое общество [Электронный ресурс]/ РИА РусьИнфо. Режим доступа: <http://rusinfo.cc/entries/293>.
4. Мавзолей Ленина [Электронный ресурс]. Материал из Википедии. Свободной энциклопедии. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%B2%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B9_%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0.